АЛЕКСАНДР ЛАДОГИН

СЕРИЯ КНИГ
«ЧЕЛОВЕК ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ»

НЕ ВСЕ ВЕРНУТСЯ

МИ-8

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ. НА ЛЕЗВИИ СМЕРТИ.

Александр Ладогин

Не все вернутся

«Автор»
2026

Ладогин А.

Не все вернутся / А. Ладогин — «Автор», 2026

Двадцать лет в спецназе научили Глеба Шумилина выживать там, где другие теряют надежду. Теперь он обычный проводник иркутской турфирмы. Выгодный заказ — шестеро молодых москвичей и вертолётный маршрут над Саянами — кажется простой работой.Пока вертолёт не падает в глухой тайге.Экипаж погиб. Связи нет. Спасатели ищут совсем в другом месте. Впереди — ледяные реки, каменные осыпи, голод, хищники и раны, которые не заживают. Глебу предстоит не только провести неподготовленных ребят через тайгу, но и научить их бороться за собственную жизнь.На исходе сил они находят затерянное поселение. Здесь их кормят, согревают и лечат. Кажется, самое страшное позади.Но вскоре выясняется: войти сюда гораздо легче, чем выйти. У этого гостеприимства есть правила. Нарушать их опасно. Подчиняться — ещё опаснее.Чтобы спасти тех, за кого он взял ответственность, Шумилину придётся вспомнить всё, чему его учили на службе. И понять, на что он готов ради чужих жизней.Не все вернутся.

© Ладогин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Ледник 5
Глава вторая. Живые и механик 15
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Не все вернутся

Часть первая. Ледник
Глава первая. Бонус от фирмы

I

Иркутск, Глазковское предместье. 4 августа 2026 года, вторник.

Шумилин проснулся в половине пятого, как просыпался последние двадцать лет, и ещё минуту лежал, слушая, где он.

Где – было понятно сразу. За стеной хозяйка, Нина Аркадьевна, ворочалась и вздыхала во сне. В палисаднике у окна возилась синица. Внизу, под горкой, прошёл первый трамвай: дом был старый, деревянный, с резными наличниками, выкрашенными когда-то в голубое, и каждый трамвай отзывался в нём лёгкой дрожью стекла. Ни подъёма, ни построения, ни телефона, который звонит раньше будильника. Шестой месяц гражданской жизни, и тело всё ещё не верило, что вставать незачем.

Он всё-таки встал. Левое плечо, как всегда к перемене погоды, ответило тупой, знакомой болью, которую он давно не считал болью, – так, сообщение. Умылся над эмалированной раковиной холодной водой: горячую хозяйка включала только по субботам, из принципа.

Ему было сорок два. Метр семьдесят восемь, сухой, поджарый, с покатыми тяжёлыми плечами, какие бывают у пловцов, и шеей, на которой при каждом повороте головы выступали жилы. Светлые волосы он стриг коротко, под машинку, и седина на висках, ранняя, лет с тридцати пяти, от этого была почти не видна. Лицо узкое, обветренное, нос с горбинкой, сросшийся когда-то чуть вбок. Светло-серые глаза на солнце становились почти прозрачными и поэтому всегда были прищурены; от вечного прищура у глаз лежали белые лучики морщин – туда не доставал загар. Складки от носа к углам рта были резкими, хотя улыбался он редко. А вот складки между бровей не было вовсе: думая, он не хмурился, лицо просто пустело, и люди, которые его не знали, принимали это за равнодушие.

Самым живым в нём были руки – широкие ладони, длинные пальцы с плоскими ногтями, стриженными под корень, мелкие старые шрамы на костяшках и один, белый, поперёк левой ладони. Руки, которые за двадцать лет научились держать ремни, оружие, чужие плечи и чужие жизни и теперь, полгода, лежали на коленях без работы.

Он оделся и вышел на крыльцо. Ангару затянул туман, правый берег, где был центр, угадывался одними куполами. Пахло мокрыми досками, укропом с соседского огорода и рекой – холодной, быстрой, которая и в августе остаётся похожей на весеннюю.

В Иркутск он приехал в мае, без особой причины: палец на карте остановился там, где было далеко от всех, кого он знал, и при этом ходили поезда. Снял комнату у Нины Аркадьевны с условием «не пить и не водить», ездил на Байкал, дважды поднимался на Мунку-Сардык и один раз заблудился в собственном городе: впервые за много лет ему было всё равно, куда сворачивать.

Это и было самое странное. Взрослый человек, который двадцать лет знал, что делать с каждым часом, вдруг обнаруживал, что часов у него больше, чем дел. Летом в городе таких людей полно: отставники, вдовцы, только что уволенные, выпускники, у которых работа начнётся с сентября. Они ходят по набережным с одинаковым выражением лица – словно ищут что-то, что выронили, и не помнят, что именно. Шумилин узнавал их издали и держался от них подальше, как от зеркала.

В июле он нанялся в «Саянский маршрут». Объявление висело на сайте: «Требуется сопровождающий для коротких групповых туров, опыт работы в горах, ответственность». Последнее слово он перечитал два раза и всё-таки позвонил. Фирма оказалась маленькой: две девушки в офисе на Карла Маркса и директор, которого никто не видел, но все цитировали. Первый выезд прошёл спокойно: пятеро пенсионеров из Новосибирска, водопад, озеро, баня, ни одного вывиха. Пенсионеры подарили ему банку облепихового варенья и сказали, что он «очень надёжный мужчина, хоть и неразговорчивый».

Телефон зазвонил в восемь, когда он уже вернулся с пробежки вдоль набережной и пил чай на крыльце.

— Глеб Сергеевич, доброе утро! – Это была Катя, младшая из двух девушек; голос у неё всегда звучал так, словно она одновременно улыбается и печатает. – У нас для вас бонус. Группа в пятницу, шесть человек, молодёжь, москвичи. Вертолёт, водопад, база на озере, ледник с воздуха, три дня. Оплата по двойной ставке.

— За что такая щедрость?

— Ну… – Катя замялась на полсекунды дольше, чем нужно человеку, которому нечего скрывать; на том конце перестала стучать клавиатура. – Они выкупили тур целиком, срочно, Виктор Павлович очень хотел, чтобы группа была довольна. Там один молодой человек, у него папа… В общем, важные люди. Вы же умеете с людьми.

Шумилин перевёл взгляд на Ангару. Туман сползал по течению, открывая мост и белые корпуса за ним.

«Важные люди, – отметил он про себя. – Срочно. Двойная ставка. Клавиатура замолчала на слове „папа“. Вероятность неприятностей – выше средней».

— Договор пришлёте? – спросил он вслух.

— Сегодня же! – Клавиатура ожила. – Вы такой… – Катя искала слово. – Основательный.

Договор пришёл к вечеру, на двух страницах, с опечаткой в его отчестве и пунктом, по которому сопровождающий «обеспечивает безопасность туристов на всех этапах маршрута, за исключением авиаперевозки». Он подписал, сфотографировал и отправил. Мысленно поставил оценку, как ставил всю жизнь после каждого учения: «Договор – три. Оформление – три. Здравый смысл исполнителя – под вопросом».

Затем он собрал рюкзак: тент, верёвка, аптечка, фильтр, огниво, фонарь, батареи, старая генштабовская карта района с чужими карандашными пометками, компас, носки и сухой паёк

на двое суток, который на коротком туре никогда не нужен и который он всё равно клал. Перед сном, раздеваясь, он по привычке отстегнул от левой голени то, что брал с собой всякий раз, когда уезжал дальше электрички, положил рядом с ботинками и лёг.

Нина Аркадьевна стукнула в стену.

— Глеб, ты завтра едешь?

— В четверг вечером.

— Банку из-под варенья верни, – сказала она через стену. – Банки нынче дорогие.

II

Нижнеудинск. 7 августа 2026 года, пятница.

Ночной поезд пришёл в Нижнеудинск в начале шестого. Шумилин ехал в плацкарте, в последнем вагоне, группа – в купейном, в третьем: фирма покупала билеты отдельно, и Катя извинялась за это так горячо, как будто сама продавала места.

На перроне стоял тот особенный запах станций, который не спутаешь ни с чем: креозот от шпал, мазут, угольная гарь из трубы котла, который в августе не должны были топить, но топили. Над путями висел туман, и сквозь него, как через вату, доносились команды диспетчера.

Сначала проводница выставила на перрон чемодан – большой, серебристый, на четырёх колёсиках, с багажной биркой рейса Москва – Иркутск. Чемодан проехал полметра по асфальту и остановился у ног Шумилина, как представился.

Затем вышел его хозяин.

— Доброе утро, Сибирь! – Высокий парень в светлой куртке раскинул руки, вдохнул полной грудью и закашлялся. – Ого. Чем это пахнет?

— Шпалами, – сказал Шумилин. – Шумилин, Глеб Сергеевич. Ваш сопровождающий.

— Кирилл. – Он протянул руку ладонью чуть вниз и сжал крепко, с лишним нажимом и лишней секундой, глядя в глаза дольше, чем принято между незнакомыми мужчинами. – Мы с вами переписывались. Ну, через Катю. Я организатор.

Это он сообщил так, как сообщают звание. Рукопожатию явно учили на тренинге: «возьмите инициативу». Шумилин дал руке лежать, как лежит инструмент, пока его не положат на место. Кирилл отпустил первым и не заметил этого.

Широкие плечи, узкая талия – фигура из спортзала, а не с работы; дорогая стрижка с длинной чёлкой, которую он отбрасывал назад пальцами раз в минуту, проверяя, на месте ли корона. Подбородок с ямочкой, ровные белые зубы, улыбка, в которой видно сразу почти всё. Тёплые карие глаза. Белые кроссовки и куртка с логотипом, который Шумилин встречал на витринах, но ни разу на склоне. Встал он в центре – там, где через секунду должны были собраться остальные, корпусом к вагону: так встают те, кто уверен, что люди выйдут к нему.

Остальные выходили по одному, и Шумилин по старой привычке давал каждому одну черту, пока не запоминал имя. Черта всегда была не о лице, а о руках или о ногах: лицо человек держит, руки и ноги – реже.

Девушка с тёмным хвостом вынесла два рюкзака – свой на спине и чужой в руке – и поставила чужой у ног Кирилла, ничего не сказав. Невысокая, с очень прямой спиной, какая бывает у тех, кого в детстве водили на танцы; выбившиеся пряди она убирала за ухо и через полминуты убирала снова. Бледное лицо, большие тёмные глаза с чуть опущенными уголками – из-за них она казалась сочувствующей, даже когда просто слушала.

— Полина, – сказала она и улыбнулась вежливо, не до глаз. Голос был тихий, такой, к которому наклоняются.

«Выносит чужое». И ещё, мимоходом: пока Кирилл говорил, она кивала его словам, но носки её кроссовок были развёрнуты не к нему, а к вокзалу. Наблюдение было ни о чём, и Шумилин отложил его туда, где лежали наблюдения ни о чём.

Широкий рыжеватый парень вышел, пригнувшись в дверях, хотя дверь была ему впору, – как пригибаются те, кто с четырнадцати лет бьётся головой о чужие притолоки. Брови и ресницы такие светлые, что лицо казалось голым. Он сразу оглядел перрон – не людей, а перрон: на чём держится навес, куда уходит кабель. В кармане у него позвякивал мультитул.

— Егор. – Ладонь была большая, сухая, в мелких порезах, и пожатие – именно такое, какое надо.

«Смотрит на устройство».

Коротко стриженная девушка спрыгнула со ступенек, не держась за поручень, приземлилась мягко, на носки, и тут же сфотографировала часы над вокзалом. Рельефные плечи, острый подбородок с маленьким белым шрамом, широкий рот, который легко растягивался в насмешку, быстрые серо-зелёные глаза – на вызов.

— Ника. – Она оглядела Шумилина снизу вверх и сверху вниз, как инструктора в новом спортзале: потянет или нет. Бровь у неё поднялась сама собой. – Вы правда военный? Катя говорила.

— Бывший.

— Ага, – протянула Ника тем тоном, каким говорят «рассказывайте», и уже фотографировала чемодан. Колено у неё мелко качалось: нетерпение не умело стоять на месте.

Худощавый юноша вышел последним, зевая, с телефоном у уха. Пепельные волосы, длинные пальцы, светлые ресницы, из-за которых взгляд казался сонным. Куртка цвета графита стоила, наверное, как вся зарплата Шумилина за этот тур, а часы, заметив, что на них смотрят, он привычным движением спрятал под манжету.

— Пап, да, доехали. Нормально. Да не надо никому звонить.

«Даниил. Говорит "не надо звонить" человеку, который звонить будет».

И ещё одна – маленькая, бледная, в очках с тонкой оправой, с рюкзаком больше неё самой; ей можно было дать лет шестнадцать. Светлая коса, кеды – кеды, в горы, – и долгий внимательный взгляд, которым она читала табличку с названием станции и годом постройки, шевеля губами.

— Соня. – Она поправила очки костяшкой пальца, хотя очки никуда не сползли.

«Читает».

— Нас шестеро, – сообщил Кирилл, хотя Шумилин уже посчитал. – Значит, план такой: сейчас кофе, потом…

— Машина ждёт. На площадке есть вагончик и чайник. Вылет в девять, если пустит погода.

— А если нет?

— Тогда напьёмся растворимого досыта.

Соня засмеялась – тихо, с опозданием, когда остальные уже не понимали, над чем. Смех появился у неё в глазах раньше, чем на губах: так смеются люди, которые проверяют шутку, прежде чем разрешить её себе.

«Буханка» фирмы с затёртой надписью «Саянский маршрут» ждала у привокзальной площади. Водитель, пожилой бурят с золотым зубом, оглядел чемодан долгим философским взглядом и молча убрал его назад, где тот занял половину места. За окнами потянулись деревянные дома, штакетник, огороды с желтеющей картофельной ботвой. У магазина «Продукты 24» стоял мужик в майке и провожал машину глазами человека, который знает, куда она едет, и сочувствует.

— Атмосферно, – оценила Ника и сняла его на телефон.

— Он тебя сейчас запомнит и в Москву приедет мстить, – сказал Даниил, не отрываясь от экрана.

— Пусть приезжает. Я его в рилс выложу.

Кирилл обернулся с переднего сиденья, положив руку на спинку, – лицом ко всем сразу.

— Народ, я тут подумал. Надо снять нормальное видео. Чтобы у каждого была роль. Ника – ты репортаж. Даня – оператор, у тебя камера лучше. Егор – ты… ну, ты будешь носить штатив. Полина – ты за эмоции, ты умеешь. Соня…

— А я? – спросила Соня.

— А ты будешь… – Кирилл честно задумался. – Закадровым голосом. У тебя голос спокойный.

— Это чтобы меня не было видно в кадре, – уточнила Соня.

— Нет, правда, тембр хороший, – сказал Кирилл с той лёгкостью, с которой люди, привыкшие руководить, не замечают, что их поймали.

Полина на долю секунды сжала губы в полоску – и сразу сказала:

— Сонь, он прав, тебя слушать приятно.

Слова были мягкие. Рот перед ними был жёсткий. Шумилин отвернулся к окну.

«Распределение ролей: четыре. Распределение обязанностей: ноль. Чемодан на колёсиках: вне шкалы».

III

Вертолётная площадка «Ия-Авиа». 7 августа 2026 года, пятница.

Площадка была за городом, на краю поля: бетонный квадрат, заросший по швам подорожником, вагончик с табличкой «Диспетчерская», ангар из гофрированного железа и вертолёт – тяжёлый, пузатый, тёмно-зелёный, с рыжими пятнами краски на хвостовой балке, где её подкрашивали по-разному в разные годы. Ми-8. Борт старше любого из шестерых – да и Шумилин был ненамного моложе.

— Это он? – спросила Ника и опустила телефон, что с ней, как Шумилин уже понял, случалось редко. – Он же… советский.

— Самый надёжный вертолёт в мире, – сказал Даниил тоном, каким говорят о технике, которой сам не управляешь. – Отец на таком на Ямал летал.

Погоды не было. Небо над полем было чистое, но диспетчер, мужчина с усами и в шерстяной кофте поверх форменной рубашки, сообщил, что над хребтом облачность, ждут сводку, вылет – «как только, так сразу». Кофе в вагончике был растворимый, в пластиковых стаканчиках, которые гнулись в руке.

Шумилин отошёл к вертолёту. Возле открытой сдвижной двери на корточках сидел человек в синем комбинезоне и протирал ветошью какую-то деталь. Бортмеханик, понял Шумилин по тому, как тот относился к восьмёрке: без гордости и без опаски, с тем спокойным недоверием, с каким хороший доктор слушает старого пациента. Лет сорока пяти, крепкий, с круглым небритым лицом и залысинами, руки в несмываемой чёрной кайме под ногтями.

— Николай, – представился механик не вставая и вытер руку о колено, прежде чем протянуть её. – Вы сопровождающий? Молодёжь ваша?

— Моя.

— И чемодан?

— И он.

Механик проводил взглядом серебристый чемодан, который Кирилл катил к вертолёту по бетону, огибая трещины, и вздохнул.

— Ничего. Возили и с гитарой. Один раз с самоваром. – Он закурил, пряча сигарету в ладони от ветра. – Погоду ждём. Хребет закрыт, но к десяти, говорят, откроется. У нас всегда к десяти откроется.

Шумилин не курил, но остался рядом. Двое мужчин у вертушки, которые разговаривают о погоде, – самое обычное зрелище на свете.

— Связь в горах есть? – спросил он.

— Рация. Ну и трекер у нас. – Механик мотнул подбородком в сторону кабины. – Простенький. Точки пишет, а в сеть выходит только у базы, где вышка. Начальство обещало поста-

вить нормальный, спутниковый. Третий год обещает. – Он усмехнулся одной стороной лица, без веселья. – Да нам и не надо. Командир тут каждый гребень знает.

— Давно летает?

— Валерий Петрович? Двадцать лет над Саяном. Мы с ним вместе двенадцать.

Шумилин запомнил это так, как запоминал всё, что касалось связи и маршрута: не с тревогой, а с отметкой на полях. Трекер пишет точки. В сеть выходит у базы. Обычная деталь обычной небольшой фирмы, у которой нет денег на спутниковый.

Командир вышел из диспетчерской в половине десятого – грузный, седой, с обветренным красным лицом и мешками под глазами, в кожаной куртке, слишком тёплой для августовского утра. Шёл он к вертолёту не торопясь и по пути здоровался с каждым из шестерых за руку, даже с Соней, которая растерялась и протянула ему левую. Второй пилот, молодой, стриженный под машинку, нёс за ним планшет и термос.

У кабины командира перехватил Даниил.

Шумилин не слышал, о чём они говорят: ветер дул от него. Зато всё остальное было перед глазами, подробно, потому что двадцать лет его учили видеть именно это – не слова, а то, что делают люди, пока говорят слова.

Даниил подошёл быстро, слишком быстро для человека, который только что зевал на перроне. Остановился ближе, чем стоят к незнакомому взрослому, – на полшага внутрь чужого круга, – и сразу протянул телефон экраном к командиру. Свободная рука при этом не висела, а работала: ладонь вверх, ладонь к груди, ладонь вверх – так продают. Он говорил и улыбался, и улыбка была настоящая, мальчишеская, с ямочкой на одной щеке, – улыбка человека, которому нравится то, что он сейчас делает. Скулы у него порозовели пятнами.

Командир наклонился к экрану. Сначала покачал головой – медленно, всем корпусом, как отказывают взрослые, которым отказывать неловко. И перестал качать. И засмеялся: коротким выдохом через нос, против воли, как смеются люди, которых поймали на чём-то и которые решили не отпираться.

Даниил засмеялся тоже и хлопнул его по плечу. Это был жест, который мог позволить себе только человек, привыкший, что взрослые мужчины смеются его шуткам. Командир от хлопка не отстранился. Но и не ответил: плечо осталось неподвижным, как чужое.

Даниил отошёл, сунув руки в карманы, и снова стал скучающим московским мальчиком с телефоном.

«О чём-то договорились, – подумал Шумилин. – О фотографии на память. О том, чтобы пустить в кабину. Не знаю». И не стал додумывать: чужие договорённости с экипажем его не касались.

Он отвёл взгляд от кабины и наткнулся на Полину.

Полина была у вагончика, со стаканчиком кофе в обеих руках – держала его не за край, а обхватив ладонями, хотя кофе давно остыл, – и тоже не сводила глаз с кабины. Не так, как смотрят на смешную сцену. Кофе она не пила. Плечи были чуть подняты, совсем чуть, на сантиметр, как поднимают их от холода, а холодно не было. Нижняя губа прикушена изнутри – это было видно по ямке на щеке. И взгляд был не на лица, а на руки: на телефон Даниила, на карманы командира.

«Тоже увидела, – подумал Шумилин. – Не знает что. Но увидела».

Заметив, что он смотрит на неё, Полина отвела глаза первой – и тут же, не меняя лица, улыбнулась Кириллу, который махал ей от вертолёта. Улыбка снова не дошла до глаз.

Инструктаж занял две минуты. Второй пилот, которого звали Артёмом, встал у двери и сказал, что ремни есть, пристёгиваться обязательно, по салону во время полёта не ходить, в кабину не заглядывать, если тошнит – пакеты под сиденьями, если страшно – это нормально. Багаж – назад, к створкам, под сетку. Взвешивать никого не стали. Список пассажиров сверили по головам. Чемодан Кирилла механик молча затолкал под сетку последним, коленом.

— Дай я тебе покажу, – говорил Егор Соне, пока они шли к двери, и протягивал ей свой телефон, повернув экран так, чтобы ей было видно, а сам при этом держался на шаг дальше, чем было удобно. – Я карты скачал. Офлайн. Весь район, до последнего ручья. Тут даже тропы есть, видишь? Всё работает без сети.

— На случай чего? – спросила Соня.

— Ну… – Егор смутился, и у него покраснели уши – только уши, лицо осталось бледным. – Интересно же, где летим.

Соня внимательно изучила экран, приблизив его к очкам, и вернула телефон.

— Тут ручей подписан неправильно, – сказала она. – На старой карте он Каменный, а тут без имени.

— А ты откуда знаешь?

— Я вчера в поезде сверяла, – сказала Соня как о само собой разумеющемся. – Мне не спалось.

Егор уставился на неё с тем уважением, с каким инженеры смотрят на людей, которые нашли ошибку в чертеже.

Ника у двери обернулась, натянула на голову вязаную шапку – белую, с красной полосой, совершенно не по погоде – и сделала селфи на фоне вертолёта: себя, шапку, кусок фюзеляжа и в углу кадра Даниила, который всё ещё торчал у кабины, руки в карманах.

— Это счастливая шапка, – объяснила она всем сразу. – В ней я сдала все экзамены и ни разу не попала в аварию.

— А без неё пробовала? – спросил Егор.

— Ни разу. Зачем рисковать?

Шумилин сел последним, у задних створок, у выхода. Сам выбрал место и сам себе объяснил выбор: оттуда видно весь салон. Это тоже было привычкой, и он не стал с ней спорить. Прежде чем пристегнуться, он ещё раз посчитал. Шестеро, он сам, механик, двое в кабине. Десять.

IV

Борт Ми-8Т. 7 августа 2026 года, пятница, 10:05.

Вертолёт сначала дрожит, потом гремит, потом начинает подниматься, и человек в салоне узнаёт о взлёте не глазами, а позвоночником.

Шум был такой, что разговаривать стало невозможно уже на раскрутке. Механик раздал наушники – старые, с поролоновыми подушечками, пахнущими чужими головами. Салон был длинный и гулкий: сиденья вдоль бортов, круглые иллюминаторы, ремни с пряжками, отполированными тысячами ладоней. Пол вибрировал так, что через подошвы чувствовался каждый оборот винта. Тянуло керосином и старой резиной.

Шумилин по привычке разглядывал не горы, а людей.

Ника надела наушники поверх шапки и снимала всё подряд – взлёт, поле, свои колени. Колено у неё больше не качалось: она поставила обе ноги на пол, твёрдо, и одной рукой сжимала ремень. Кирилл что-то кричал Полине через проход, подавшись к ней всем телом, и она кивала, ничего не слыша, – кивала так же часто, как на перроне, только теперь подбородок у неё каждый раз чуть задерживался внизу: кивок давался ей всё тяжелее. Егор сидел неподвижно, держась обеими руками за край сиденья, и уставился строго перед собой, в одну точку на противоположном борту, – так смотрят люди, которые не любят высоту и не хотят, чтобы это заметили. Костяшки на его руках побелели. Даниил развалился, вытянув ноги, и листал фотографии в телефоне. Соня – прямая, руки на коленях – глядела в иллюминатор так внимательно, точно потом ей предстояло сдавать экзамен по тому, что она там увидит.

Нижнеудинск ушёл вниз и назад – крыши, огороды, серая лента реки, железная дорога, по которой полз товарный состав. Дальше пошли поля, за ними лес, сначала светлый, с берёзами, затем тёмный, сплошной. И наконец начались горы.

Шумилин следил за временем и за компасом – маленьким, на ремешке рядом с часами на левом запястье – и время от времени заглядывал в бумажную программу экскурсии, которую ему дала Катя: лист в прозрачном файле, сложенный вчетверо, с маршрутом, нарисованным синей линией. Нижнеудинск – водопад на реке – база на озере. Ледник отмечен в стороне маленьким треугольником и подписью «вид с воздуха, при хорошей погоде». Под двести километров до гор, чуть меньше часа лёту.

В 10:40 вертолёт качнуло, и он ушёл правее, огибая что-то. Механик, сидевший у кабины на откидном сиденье, наклонился к проёму, послушал и показал рукой: всё нормально, облачность, обходим. Шумилин отметил время.

Внизу пошли горы настоящие: гребни, острые, как зубья старой пилы, тёмные долины, заросшие лиственницей, курумники – каменные реки, сползающие по склонам, серые и неподвижные. На северных склонах лежали пятна снега. Облака висели над хребтом, плоские снизу, точно их срезали ножом, и вертолёт шёл под ними, повторяя повороты долин.

В 10:55 под ними показался водопад – белая нить, падающая со скалы в чашу из тёмного камня. Ника сняла его, не снимая шапки. Кирилл показывал Полине большой палец. Даже Даниил оторвался от телефона.

А через минуту Даниил отстегнулся.

Перед этим он бросил взгляд на кабину и один раз – долгий – на Нику. Пальцы постучали по пряжке ремня, как стучат по столу перед трудным звонком.

Он встал, пригибаясь, придерживаясь за сетку багажа, и пошёл вперёд, к кабине, с телефоном в руке. Механик поднял ладонь – стоп. Даниил показал на телефон и на стекло кабины: снять, только снять. Механик пожал плечами, отодвинул колени. Даниил присел у проёма, сунул свободную руку во внутренний карман куртки и протянул её командиру куда-то вниз, к коленям, – Шумилину был виден только локоть, – и что-то прокричал ему в ухо. Командир повернул голову, бросил короткую фразу. Даниил засмеялся и поднял телефон к стеклу.

Вертолёт снова лёг на правый бок и пошёл в сторону от синей линии.

Шумилин сверился с компасом. Затем с солнцем – оно, ещё видное сквозь разрывы облаков, было теперь не слева, а почти сзади. Затем с часами. 11:00. По программе база должна была показаться через десять минут, на востоке, а вертолёт шёл на юг, к хребту, где облака спускались ниже и темнели.

«Изменение маршрута. Без объявления. Командир – двадцать лет над Саяном. Наверное, показывает мальчику ледник».

Это «наверное» ему не понравилось. Но другого у него не было.

Он мог встать и пройти к кабине. Мог спросить механика. В любом другом месте своей прежней жизни он бы так и сделал, и никто бы не удивился. Но в этом месте он был сопровождающим по договору, в котором авиаперевозка была отдельной строкой, а командир – человеком, который двадцать лет летает над этими горами, а он, Шумилин, был здесь второй раз в жизни. В городе ответственность растворяется в чужих графиках, должностях и подписях; каждый отвечает за свой кусок, и самое трудное – вовремя понять, что твой кусок давно закончился там, где начинается чужой, и что чужой никто не держит.

Пальцы нашли пряжку ремня и замерли на ней. Он остался на месте. К этой минуте он ещё много раз будет возвращаться.

В 11:05 справа открылся ледник.

Он был ближе, чем на любой открытке. Огромный, серо-голубой, изрезанный трещинами, с чёрными полосами морен, он лежал в каменном цирке между двумя вершинами и казался неподвижным и живым одновременно, как спящий зверь. Вертолёт шёл вдоль него низко, так что можно было рассмотреть каждую трещину. В салоне все прилипли к иллюминаторам. Ника снимала, Кирилл снимал, Егор забыл про высоту и про офлайн-карты и замер,

приоткрыв рот; руки его впервые за полёт отпустили сиденье. Даниил у кабины держал телефон у стекла и, судя по движению губ, считал для кого-то: «Три, два, один…»

Соня повернулась к Шумилину.

Она одна не любовалась ледником. Она не сводила глаз с него, Шумилина, – вернее, с его левого запястья, на котором были часы и компас, – и потом подняла взгляд к его лицу. За тонкими стёклами очков в её глазах было то, чего он не ожидал увидеть у девочки-архивистки из Ярославля: не страх, а вопрос, заданный очень точно. Она заметила программу у него в руках. Заметила, что он смотрит на компас, а не на ледник. И сложила одно с другим.

Он улыбнулся ей. Улыбка вышла не такой, как он хотел, – губами, без глаз, той самой улыбкой, которую он только что ловил у других. Соня это тоже увидела. Она отвернулась к иллюминатору, но теперь её занимал не ледник, а облака.

V

Ойхинский хребет. 7 августа 2026 года, пятница, 11:10.

Облако пришло сверху, а не спереди.

Это было первое, что Шумилин запомнил: не туман на пути, а потолок, который вдруг опустился. Секунду назад над ледником ещё было серое небо с разрывами, и вот уже серое небо стало серым стеклом, а потом белой ватой, прилипшей к иллюминаторам. Ледник исчез. Склон исчез. Солнце исчезло. Остался шум, дрожь пола под ногами и белое за стеклом, ровное, без верха и низа.

Вертолёт пошёл вниз.

Не падал – шёл, послушно, тем плавным снижением, которым опытный лётчик выводит борт из облака туда, где под облаком должна быть земля и простор. Шумилин почувствовал его коленями и животом. В салоне ещё смеялись. Ника опустила телефон и что-то сказала Кириллу, Кирилл ответил, Полина прыснула. Даниил всё ещё сидел на корточках у кабины. Механик у проёма выпрямился и замер, глядя в кабину через плечо командира, – и Шумилин увидел, как у него напряглась шея: жилы выступили, как канаты. Механик не двигался. Так не двигаются люди, которые ждут и ничего не могут сделать.

Белое за стеклом порвалось – на мгновение, клочьями, – и в разрыве Шумилин увидел лиственницы.

Слишком близко. Не внизу – сбоку. Тёмные, мокрые стволы, густые зелёные лапы, мох на камнях, и всё это не под вертолётом, а рядом с ним, на одной высоте: летели не над долиной, а внутри неё, между двумя стенами. Облако закрыло всё снова. Снова порвалось. Теперь лиственницы были слева.

Тело узнало раньше головы. Шумилин почувствовал, как во рту стало сухо – сразу, как будто кто-то выключил воду. Как похолодели пальцы. Как звук винта отодвинулся, стал глуше, а зрение сузилось, будто салон оказался в конце трубы: в трубе был проём кабины, спина механика и Даниил на корточках, без ремня. Остальное расплылось. Это было знакомо. Его учили, что делать, когда мир сжимается в трубу: повернуть голову, а не одни глаза. Он повернул.

Труба раздвинулась. Он увидел всех.

Даниил на корточках у кабины, не пристёгнутый, с телефоном, поднятым к стеклу, – лицо ещё весёлое, он ещё не понял. Механик развернулся к нему и что-то кричал, тыча рукой в сиденье: «Сядь!» Даниил понял не слова, а лицо механика, и улыбка стекла сразу, целиком, как стекает вода, – осталась бледная, детская растерянность. Он рванулся назад, к своему месту, упал на сиденье, стал ловить пряжку ремня – и не мог поймать: пальцы прыгали.

Ника перестала снимать. Она вцепилась в ремень на груди обеими руками и уставилась в иллюминатор, широко раскрыв глаза, и рот у неё был сжат так, что пропали губы. Злость – первое, что у неё всегда приходит вместо страха, Шумилин понял это сразу: злость на то, что происходит то, чего она не разрешала.

Кирилл подался через проход к Полине и закричал ей что-то, и лицо у Кирилла было белым, а голос, наверное, громким, но громкость уже ничего не значила. Он говорил – потому что умел только это.

Полина не шевелилась. Совсем. Широко раскрытые глаза, приоткрытый рот, руки, застывшие на коленях ладонями вверх, – всё тело остановилось, как останавливаются животные, когда над ними тень ястреба. Только одна рука, правая, медленно, сама по себе, нашла рядом руку Сони и сжала её.

Егор закрыл голову локтями и наклонился вперёд, к коленям. Перед ним не было ничего. Так было правильно.

Соня не отрывала глаз от Шумилина.

Вертолёт задрожал сильнее, двигатели взвыли, и пол наклонился: восьмёрка начала разворот и пошла вверх, тяжело, как человек, который поднимается на крутую лестницу с грузом на плечах. Механик схватился обеими руками за дверной проём кабины. Кто-то закричал – Шумилин не понял кто: за грохотом крик был только открытым ртом.

«Пристёгнуты пятеро, – мелькнуло у него, и это была последняя спокойная мысль. – Даниил ловит пряжку».

Он не встал. Встать сейчас значило умереть раньше, чем дойти. Он крикнул – бесполезно, его самого не было слышно – и показал Даниилу руками через салон: вниз, голову к коленям. Даниил увидел. Застегнул наконец пряжку – Шумилин разглядел, как она щёлкнула, – и согнулся.

Удар пришёл снизу и слева – глухой, длинный: вертолёт словно проехался брюхом по гигантской тёрке. Машину тряхнуло, повело, в иллюминаторе мелькнуло зелёное, рваное, ветки хлестнули по стеклу. Двигатели выли уже не на одной ноте, а рывками. Пол ушёл из-под ног, наушники сорвало с головы, и в уши ворвался звук, которого Шумилин никогда раньше не слышал, – так кричит металл.

Он упёрся ногами в створки, руками – в сиденье, прижал подбородок к груди и сжался, как сжимался много раз в жизни перед тем, как всё становится неважно, кроме одного: не разбить голову.

Время растянулось. Он успел увидеть Полину – она держала Соню за руку, и обе зажмурились. Успел увидеть Егора, свернувшегося, как ёж. Успел увидеть Нику: она не закрыла глаза. Успел увидеть чемодан, который выскочил из-под сетки и полетел вперёд, через весь салон, серебристый, нелепый, на четырёх колёсиках.

Потом нос вертолёта встретил склон.

Глава вторая. Живые и механик

I

Склон над Каменным ключом. 7 августа 2026 года, пятница, 11:16.

Первой вернулась тишина.

Не настоящая – в ушах звенело тонко и ровно, как звенит в комнате, где только что выключили сирену. Под этим звоном было что-то ещё: капало, шипело, где-то с шорохом съезжали мелкие камни, и совсем близко, над головой, кто-то дышал часто и быстро, со всхлипом на каждом вдохе. Шумилин не сразу понял, что над головой – это не потолок, а правый борт, и что лежит он на левом, вжатый в створки, а ноги у него выше головы.

Он открыл глаза. Свет был серый, мутный, падал наискось через иллюминаторы, обращённые теперь в небо. В нём висела пыль и мелкая водяная взвесь. Пахло горелой изоляцией, мокрой землёй и – сильно, сладко, тяжело – керосином.

«Жив, – отметил он. – Руки. – Пошевелил пальцами. – Ноги. – Пошевелил. – Голова. – Повернул. Шея отозвалась, но отозвалась честно, без прострела. Плечо – левое, старое – горело: его приложило о переборку, и боль ушла глубже обычной, в самый сустав. – Дееспособен».

Тело уже работало без него. Отстегнуло ремень, нашло опору, выдернуло из-под себя подвёрнутую ногу. Мелкая моторика отказывала: пряжку он расстегнул только со второго раза, пальцы были чужие и холодные, словно их держали в снегу. Он знал, что это пройдёт, и не стал ждать, пока пройдёт.

Первые минуты после беды делят людей не на храбрых и трусов, а на тех, кто может сейчас сделать одно маленькое дело, и тех, кто пока не может. Шумилин давно научился не судить людей по первым минутам, а сами минуты не тратить ни на что, кроме порядка.

Порядок был простой, и он проговорил его про себя, как повторял всегда, даже когда помнил наизусть: место – огонь – люди – кровь.

Место. Вертолёт лежал на левом боку на крутом склоне, носом вверх и вбок, хвостом вниз. Хвостовая балка была переломлена, её не было видно. Ниже по склону – лиственницы,

тёмные, мокрые, одна надломлена посередине и висит, как сломанная рука. Машина больше не сползала: Шумилин упёрся ладонью в пол и послушал телом – ничего не ползло, не скрипело. Держится. Пока.

Огонь. Дыма в салоне не было. Двигатели молчали. Запах керосина шёл снизу, из-под левого борта, оттуда же доносилось шипение и бульканье, как из перевёрнутой канистры.

Люди.

— Все слышат меня? – Голос вышел ниже обычного и тише, и он нарочно не стал его поднимать. – Не вставать. Отвечать по очереди. Кирилл.

— Я… да. Да. У меня кровь. У меня всё лицо в крови!

— Полина.

Ответа не было.

— Полина.

— Да, – сказала она чуть слышно, с задержкой на полсекунды. И снова замолчала.

— Егор.

— Здесь. Нормально. – Пауза, сиплый вдох. – Руку обжёг.

— Соня.

— Я тут. – Голос тихий, ровный, очень спокойный, так спокойно не говорят люди, у которых всё в порядке. – Только не трогайте, пожалуйста, мои очки. Они в кредит.

Кто-то – кажется, Ника – зло хохотнул. Значит, жива и Ника.

— Ника.

— Тут я! – громко, слишком громко. – Всё нормально, ерунда, царапина. Что это было вообще?

— Даниил.

Тишина. Шумилин, держась за сиденья правого борта, которые теперь были потолком, перебрался вперёд по салону. Ноги скользили на мокром полу – мокром не от воды: керосин просочился и сюда. Даниил висел на ремне, пристёгнутый, головой вниз, лицом к своим коленям, как его и учили за секунду до удара, и не шевелился.

Шумилин положил ладонь ему на шею, под углом челюсти. Пульс бился – часто, мелко, живой. Грудь поднималась.

— Даниил.

Даниил открыл глаза. Глаза были пустые, светлые ресницы слиплись от пота или от воды, взгляд блуждал и никак не мог остановиться на лице Шумилина.

— Мы… – Он сглотнул. – Мы упали?

— Сели. Неудачно. Где болит?

— Колено. – Даниил потрогал колено, будто проверял, его ли это колено. – Я ремень… я успел ремень…

— Молодец. Сиди. Не отстёгивайся, пока не скажу.

«Шестеро живы, – отметил Шумилин. – Шестеро в сознании. Ходить могут – проверить».

Он поднял голову к кабине.

II

Там же. 11:20.

Кабины не было – было то, что от неё осталось.

Нос вертолёта принял удар на себя, и теперь там, где несколько минут назад были командир и второй пилот, торчали из смятого металла приборная доска, провода, обломки остекления, мох и ветки лиственницы, вошедшие внутрь вместе с землёй. Свет туда падал сверху, через разбитый блистер, и был зеленоватым от хвои.

Шумилин заставил себя смотреть – не на всё сразу, а по порядку, по признакам. Кто выглядит мёртвым, не обязательно мёртв, – это ему вбили так давно и так крепко, что он не

мог бы поступить иначе, даже если бы хотел. Человек с залитым кровью лицом может быть почти цел. Человек без единой царапины может умирать.

Командир. Шумилин дотянулся до него через смятую стойку, нашёл шею, подержал два пальца, сколько положено. Ничего. Дыхания не было: грудь не двигалась, у губ не туманилось. Голова лежала так, как не лежит голова живого человека. Шумилин задержал взгляд ещё на секунду – не для проверки, а потому, что двадцать лет над Саяном заслуживали этой секунды, – и отвёл глаза.

Второй пилот. Артём. Тот же порядок, та же тишина под пальцами. Лицо у него было удивлённое и совсем молодое.

— Сопровождающий, – позвал кто-то совсем рядом, хрипло, без вопросительной интонации. – Сопровождающий. Ты?

Механик.

Он был жив. Он оставался – вернее, был посажен – на своём откидном сиденье в проёме у кабины, и вся передняя часть фюзеляжа надвинулась на него. Смятая приборная стойка легла ему на бёдра, вздыбленный пол поднялся снизу, и он оказался зажат между ними, как между двумя ладонями. Видна была верхняя половина: синий комбинезон, круглое небритое лицо, ставшее серым, с крупными каплями пота на лбу, руки, вцепившиеся в край стойки. Крови снаружи почти не было. Это Шумилину не понравилось больше всего.

— Я. Николай, слышишь меня?

— Слышу. – Механик облизнул сухие губы. Глаза у него были ясные, и зрачки одинаковые. – Ноги не чую. Ни правую, ни левую. Мужики?

— Нет, – ответил Шумилин.

Механик закрыл глаза. Открыл.

— Двенадцать лет, – выдохнул он. – С Петровичем. – И потом, другим голосом, деловым: – Керосин. Чуешь?

— Чую.

— Это левый подвесной. Он под нами смятый. Не туши ничего, не кури, не дай им курить.

— Не дам.

Шумилин осмотрел конструкцию, которая держала механика. Он не был инженером, но не раз видел, как металл держит людей, – в машинах, в домах, в вещах, о которых не говорят. Стойка была придавлена сверху ещё чем-то, чего не было видно, – возможно, всем весом кабины, легшей на склон. Пол подпирал снизу. Чтобы вытащить человека, нужно было либо поднять стойку, либо опустить пол, а ни того, ни другого руками сделать было нельзя.

Он нашёл бортовой топор в креплении у двери – топор висел там, где и должен был висеть, жёлто-красный, с резиновой рукоятью – и ломик. Попробовал вставить ломик между стойкой и полом у правого бедра механика и отжать. Металл заскрипел, подался на сантиметр – и механик закричал. Не громко – сквозь зубы, отрывисто, но так, что сзади в салоне заплакала одна из девушек. Шумилин отпустил.

— Ещё, – выдавил механик. – Давай ещё, ну.

Шумилин попробовал с другой стороны, снизу, рубанув обухом топора по замятому краю пола, чтобы отогнуть его. Металл звякнул о металл. Там, внизу, под ними, булькнуло громче, и запах керосина разом стал таким густым, что у Шумилина защипало глаза. Из-под пола, по стенке левого борта, на которой они все теперь стояли, потекло – тонкой, маслянистой, радужной струйкой. Конструкция над механиком осела на миллиметр, и механик со свистом выдохнул, словно его ударили.

Шумилин замер с топором в руке. Под полом снова плеснуло.

Он понял это не головой. Он понял это ладонью, которая держала топор, и носом, который больше не различал никаких запахов, кроме одного. Следующий удар металлом о металл мог дать искру. Двигатели только что работали, где-то внизу ещё мог быть горячий корпус.

Мокро было снаружи, а не там, внутри, где под полом лежал смятый бак. Третья попытка могла не освободить механика, а убить всех десятерых – восьмерых, поправил он себя: двоих уже не было.

— Николай.

— Понял я. – Механик не сводил глаз с топора. – Понял, не дурак. Лей не лей… Убирай их отсюда. Слышишь? Убирай.

Шумилин опустил топор.

III

Там же. 11:35.

— Слушать меня, – бросил он в салон. Голос был такой же низкий и тихий, но теперь в нём не было ни одного лишнего слова. – Сейчас все выходим. По одному. Через задний люк. Ничего не берём, кроме того, что под рукой. Огня не зажигать. Телефоны в карманы, фонари не включать. Кто не может идти – говорит сразу.

Он вернулся к задним створкам, нашёл ручку аварийного открытия, рванул. Створка пошла не сразу, со скрежетом, и в салон ворвался холодный, мокрый, пахнущий хвоей и камнем воздух. Снаружи сеяло – мелкая, плотная, бесконечная морось горного облака, в котором они теперь оказались.

Он оглядел людей.

Кирилл уже отстегнулся и стоял на коленях в проходе, прижимая обе ладони к лицу. Между пальцами текла кровь – много крови, она капала с подбородка на светлую куртку, и куртка на груди была бурой. Глаза над ладонями – огромные, неподвижные.

— У меня лицо, – говорил он не останавливаясь. – У меня лицо разбито. Глаз. Я глазом не вижу. Слушайте, надо же что-то делать, надо всем выйти, надо вызвать, у кого связь, надо…

— Покажи.

Кирилл не убрал руки. Шумилин взял его за запястья – мягко, но так, что сопротивляться было бессмысленно, – и отвёл ладони. Бровь была рассечена – глубоко, наискось, от середины к виску. Кровь заливала глаз, глаз был цел, он моргал. Лоб, щека, нос – всё в крови, и выглядело это страшнее всего, что было в салоне, хотя было самым безопасным.

— Глаз цел. Бровь рассечена. Это много крови и ничего страшного. Голова кружится?

— Нет. Не знаю. Я…

— Встал. Пошёл к выходу. Держи вот. – Он сунул Кириллу в ладонь бинт из своей аптечки, не раскрывая её, прямо в упаковке. – Прижми к брови и держи. Не отпускай.

Кирилл прижал. Встал. И стоило ему подняться на ноги, как к нему вернулся голос – громкий, командный, только на тон выше, чем на перроне:

— Народ! Все наружу, быстро, быстро. Полина. Ника, давай руку. Соня, быстро!

Он шагнул к Полине, задел Соню локтем, споткнулся о чью-то сумку и едва не упал на Егора. Шумилин отметил это без раздражения. Человек бежал вперёд, в действие, в команды, потому что стоять было страшнее. Через полчаса это пройдёт. Или не пройдёт.

Полина оставалась на своём месте, на левом борту, который теперь был полом, пристёгнутая, неподвижная. Глаза были открыты, рот приоткрыт, руки лежали на коленях ладонями вверх, как у человека, которого остановили на полуслове. Она не дрожала. Она вообще ничего не делала – дышала мелко и часто, едва поднимая грудь. Правая рука её всё ещё держала руку Сони.

Шумилин присел перед ней на корточки, так, чтобы лицо было на уровне её лица.

— Полина. Посмотри на меня.

Она подняла глаза. Не сразу: взгляд сначала нашёл его подбородок, потом губы, потом глаза.

— Ты жива. Все живы, кроме экипажа. Сейчас ты отстегнёшь ремень. Сама.

Её левая рука поднялась к пряжке и остановилась на полпути. Она сморщилась.

— Запястье, – сказала она. Голос был ровный и бесцветный. – Левое. Больно.

— Правой.

Правая рука выпустила руку Сони – не сразу, пальцы разжимались по одному – и отстегнула пряжку. Это заняло четыре секунды. Шумилин дал ей эти четыре секунды не помогая.

— Хорошо. Теперь встаёшь и выходишь. Снаружи стоишь у створки и ждёшь меня. Никуда не уходишь.

Она встала. Ноги держали. Она вышла.

Егор отстегнулся сам, без подсказки, и замер, держа правую руку перед собой ладонью вверх. На ладони вздувался пузырь, белый, с багровыми краями.

— Схватился за что-то, – объяснил он тихо, разглядывая ладонь с тем же выражением, с каким утром разглядывал перрон: как это устроено. – Там труба. Горячая была.

— Воду лей, когда выйдем. Сейчас – помоги Соне.

Егор молча повернулся к Соне.

Соня держалась прямо, вцепившись в ремень, и не сводила глаз с Шумилина. Лицо у неё было белое, прозрачное, как бумага, губы серые. Очки были на месте, одна дужка выгнута.

— Меня тошнит, – сообщила она очень вежливо. – И голова. Я ударилась вот здесь. – Она потрогала висок. – Я помню, как мы упали. Я помню время: одиннадцать шестнадцать. На ваших часах. Это важно?

— Да. Что ещё помнишь?

— Всё. – Она зажмурилась. – Можно не включать свет? Глазам больно.

«Сотрясение. Лёгкое. Помнит событие – хорошо. Светобоязнь, тошнота. Следить», – отметил он и сказал вслух:

— Не будем. Егор тебя выведет. Иди с ним, держись за него, можешь зажмуриться.

Ника отстегнулась, спрыгнула со своего сиденья на левый борт – мягко, на носки, как спрыгивала с вагона, – и сразу же качнулась и оперлась о стенку. Левую руку она держала прижатой к животу, локтем к боку, ладонью внутрь, а правой придерживала её за предплечье. Шапка съехала на затылок. Лицо было бледное, и над верхней губой блестел пот, но улыбалась она – широко, ртом, только ртом, а вокруг глаз всё было стянуто.

— Ника. Рука.

— Ерунда. – Слишком быстро и слишком громко. – Царапина. Об железку. Ну правда, ерунда. Вы лучше Кириллу помогите, у него лицо.

— Покажи.

— Да говорю же…

Она уже повернулась к выходу и вышла раньше, чем он успел подойти, – быстро, не оглядываясь, держа руку у живота так, как держат что-то ценное или что-то, что стыдно показать. Шумилин это заметил. И бледность, и пот, и эту «охранную» позу руки. Он поставил в голове отметку – «Ника, левое предплечье, проверить» – и отложил её, потому что в салоне оставался Даниил, а за кабиной – механик.

Даниил отстегнулся, когда Шумилин подошёл, попробовал встать и сел обратно, ахнув.

— Колено. Я встать… нет, могу. Могу.

Встал, цепляясь за сетку. Нога держала, но плохо. Он сделал шаг к выходу – и остановился. Лицо у него было повёрнуто к кабине. Не к Шумилину, не к выходу – к кабине, к смятому металлу, к механику, которого было видно в проёме.

— Он живой? – спросил Даниил. Голос сел.

— Пока да.

— А… – Даниил облизнул губы. Скулы у него пошли красными пятнами. – А они… успели передать? Ну, по рации? Где мы?

Шумилин задержал на нём взгляд – дольше, чем требовал вопрос. Даниил не выдержал и отвёл глаза. Глаза ушли вниз, к полу, потом к сетке, потом к выходу – куда угодно, только не в кабину, хотя секунду назад он не мог от неё оторваться.

«Испуг, – решил Шумилин. – Шок. Каждый спрашивает своё».

— Не знаю. Иди.

Снаружи было серо, мокро и холодно. Вертолёт лежал на склоне среди лиственниц, огромный, нелепый, с переломленным хвостом, как выброшенная на берег рыба. Шестеро стояли у задних створок кучкой, плечом к плечу, как стоят овцы под дождём, – инстинкт, который сильнее любого образования.

Шумилин вывел их вверх по склону. Семьдесят метров. Он считал шаги. Склон был крутой, под ногами – мох по колено и под мхом камень, и каждый шаг проваливался, а потом упирался в твёрдое. Лиственничные иглы налипали на мокрые ботинки и кроссовки. Кирилл шёл, прижимая бинт к брови, Даниил хромал, держась за Егора, Соня брела с закрытыми глазами, положив руку Егору на плечо с другой стороны. Полина шла сама, левую руку держала правой у груди. Ника шла первой – быстро, не оглядываясь, – и перед глазами у Шумилина была её спина и рука, прижатая к животу.

На ровной площадке под скальным выступом, где лиственницы стояли реже и мох был не так глубок, Шумилин остановился. Отсюда вертолёт был виден весь, сверху и сбоку. Если загорится – не достанет. Если поползёт – не достанет. Ветер тянул снизу вверх, и запах керосина доносился и сюда, но слабо.

— Здесь. Огонь не зажигать. Никуда не уходить. Даже по нужде – не дальше вон того камня, и по двое. Теперь слушать.

Шестеро молчали. Он различал каждое лицо и в каждом – одно и то же: ожидание. Люди после удара ждут, что им скажут, что делать, и это самое опасное время – они сделают всё, что им скажут, правильное и неправильное.

— Полина. – Она вскинула глаза. – Ты – санчасть. У меня в рюкзаке аптечка, вот она. – Он протянул ей аптечку. – Твоя задача: у Кирилла бровь – держать бинт, давить, не снимать, пока не перестанет. У Егора ожог – полить чистой водой из бутылки, минут десять, ничем не мазать. У Сони голова – сидит, не спит, разговаривает с тобой, если её тошнит – на бок. Даниил – колено, лёд не найдём, просто пусть сидит и не грузит. Ника – посмотреть руку.

— У меня ерунда, – тут же сказала Ника.

— Посмотреть руку, – повторил Шумилин своё, не повышая голоса.

Полина держала аптечку обеими руками и разглядывала её, как чужой предмет. Губы у неё побелели. Она сглотнула – видно было, как дёрнулось горло.

— Я крови боюсь, – сказала она очень тихо, так, чтобы слышал только он. – Мне от неё плохо.

— Знаю. Дыши ртом. Отворачивайся, когда надо. Но делай.

Он заметил, как она приняла это решение. Видел момент – полсекунды, – когда лицо её, только что растерянное и детское, стало сосредоточенным и чужим, как становится у человека, который взял на себя работу и перестал думать о себе. Она прикусила изнутри щёку, повернулась к Кириллу, опустилась перед ним на колени и взяла из его руки бинт.

— Отпусти, – сказала она ему, и голос был уже совсем другой – мягкий, тихий, но твёрдый. – Я держу. Посмотри на меня. Вот так.

Она прижала бинт к его брови, отвернула лицо в сторону и задышала ртом. Рука у неё не дрожала.

— Егор. Ты – руки. Что надо удержать, поднять, принести – ты. Сначала полей себе ладонь. Затем сходи со мной к вертолёту – туда, к хвосту, не к кабине – за водой и брезентом. Только со мной.

— Ладно, – сказал Егор.

— Кирилл.

Кирилл поднял голову. Полина держала бинт у его брови, и из-за этого он глядел одним глазом, и глаз этот был ещё испуганным, но уже и обиженным – на то, что его назвали не первым.

— Ты собираешь всю воду и всю еду. У каждого. Всё, что есть в карманах, в рюкзаках. Складываешь вот сюда, на брезент, когда принесём. Считаешь. Записываешь. Ничего не ешь и никому не даёшь, пока я не вернусь.

— А вы куда?

— К механику.

Кирилл открыл рот, чтобы что-то сказать, – и закрыл. Задание было маленькое, скучное и совершенно не похожее на руководство. Он обвёл взглядом остальных, рюкзаки, свои мокрые белые кроссовки и сказал:

— Понял. Народ, значит, так: все выкладывают еду. Всё, что есть.

Шумилин заметил, что через пять минут Кирилл всё ещё стоял над Даниилом, который рылся в рюкзаке, и объяснял ему, как правильно рыться в рюкзаке. Ещё через десять – запутался в счёте, потому что Ника кинула на кучу горсть жвачки, а Соня – пакет сушёных яблок, и он не знал, считать ли жвачку едой. Делать было труднее, чем распоряжаться. Он это понял, кажется, впервые в жизни. Но не бросил.

Соня устроилась на камне, прислонившись спиной к лиственнице, с закрытыми глазами, и говорила – тихо, ровно, Полине, которая велела ей разговаривать:

— Командир – Глотов Валерий Петрович. Второй пилот – Сазонов Артём Игоревич. Бортмеханик – Ивашкин Николай Семёнович. Это было написано в задании на полёт, на доске в вагончике. Там ещё было время вылета: десять ноль пять. Мы вылетели в десять ноль шесть. Удар в одиннадцать шестнадцать. По часам Глеба Сергеевича.

— Зачем ты запоминала? – спросила Полина, не оборачиваясь: она держала бинт у брови Кирилла.

— Это само, – сказала Соня. – Я иначе не могу. Это не специально.

Шумилин спустился к обломкам с Егором. Они вытащили из-под сетки у створок брезент, рюкзаки, две пятилитровые канистры воды, бортовой сухпаёк в зелёной коробке, аптечку вертолёта. Чемодан Кирилла лежал на боку в проходе, у самой кабины, куда его отбросило при ударе, – серебристый, с одной оторванной ручкой. Шумилин оставил его.

Егор работал молча. Таскал, держал, подавал. Ладонь у него распухла, и он брал вещи левой, правую прижимая к груди. Один раз Шумилин увидел, как он остановился у кабины и глянул на механика. Лицо его не изменилось – только уши покраснели и перестали двигаться пальцы на здоровой руке.

— Иди наверх, – велел ему Шумилин. – Отнеси. И сюда больше не спускайся.

— А вы?

— Я останусь.

IV

У обломков. 11:50 – 14:20.

Он сел на пол у механика, спиной к смятой стойке, так, чтобы перед механиком было его лицо, а не потолок.

Из аптечки – Полина подала её молча – он достал обезболивающее – то, что было: таблетки, которые помогают от зубной боли и от сломанного пальца и ничего не значат для человека, которого держит металл. Механик проглотил две, запив водой из бутылки, которую Шумилин держал у его губ, – половина воды пролилась на комбинезон.

— Поможет? – спросил механик.

— Нет.

Механик хмыкнул – почти засмеялся.

— Честный.

Оба замолчали. Морось шуршала по обшивке. Внизу, под полом, всё так же тихо булькало.

Шумилин знал, что происходит, хотя механик об этом не говорил. Человек, зажатый так, не истекает кровью наружу – он истекает внутрь, туда, где её не видно и не остановить никакой повязкой. Лицо механика было серым и мокрым. Губы светлели с каждой четвертью часа. Пульс на запястье, когда Шумилин брал его, был частым и слабым, нитяным, и становился всё чаще. Руки холодели. Иногда механик уходил – глаза оставались открытыми, но глядели мимо, в одну точку, и он не отвечал, – а потом возвращался и говорил так, словно и не уходил.

Шумилин мог сделать для него три вещи. Не дать ему остаться одному. Не врать ему. И держать за руку, когда тому станет страшно.

Он делал все три.

— Шли не туда, – проговорил механик в половине первого, глядя в разбитый блистер. – Слышишь? Не туда шли. Петрович… Петрович этот ледник любил. Я ему говорил. – Он закрыл глаза. – Двадцать лет над Саяном. Сам решил… Мёртвые сраму… как это… не имут.

Он перевёл дух, дыша часто и мелко.

— Рация, – прохрипел он. – Передали базе в десять сорок. Обходим. Больше ничего не передавали. Трекер пишет. Найдут по трекеру, когда… когда вытащат блок. Если вытащат. А до того – никто не знает, что мы тут.

— Ясно.

— Ты, я вижу, мужик толковый, – отозвался механик. – Уводи их. Не сиди тут, слышишь? Ищут по маршруту. А мы где? – Он попытался улыбнуться. – Мы, брат, километров на шестьдесят ушли, не меньше. Петрович… крюк хороший дал.

Это было в час. Дальше он молчал почти полчаса.

В половине второго механик спросил, сколько времени, и Шумилин ответил. Механик опустил веки и попросил воды, и Шумилин дал воды. Губы у механика были уже почти белые. Руку, которую держал Шумилин, механик сжимал – сначала сильно, потом слабее.

— Гале скажи, – произнёс он неожиданно громко, отчётливо, как говорят то, что готовили давно. – Галине. Жене. Ивашкина Галина Фёдоровна. Нижнеудинск, Пушкина, двенадцать. Скажи – что я… что я её не послушался. Она говорила: не летай с ним больше в облака. А я… Скажи – не мучился. Понял? Не мучился. Соври.

— Скажу.

— Соврёшь?

Шумилин ответил не сразу.

— Скажу, что ты сказал «не мучился».

Механик засмеялся – тихо, почти беззвучно, одними глазами.

— Ну ты и… – Механик не договорил. – Ну ты и мужик.

Он больше почти ничего не сказал. Два или три раза он открывал глаза и находил Шумилина, и тогда пальцы его в руке Шумилина шевелились – проверяя, на месте ли. Шумилин был на месте. На мокром от керосина полу, в разбитом вертолёте, на склоне, которого не было ни на одной карте, кроме старой генштабовской, он держал руку человека, которого впервые встретил сегодня утром у этой самой двери, и думал о том, что он приехал в Иркутск, чтобы ни за кого больше не отвечать.

В 14:20 рука механика стала тяжёлой.

Шумилин подержал два пальца на шее, сколько положено. И ещё немного. Затем закрыл механику глаза – ладонью, сверху вниз, – и посидел ещё минуту, не убирая руки с его руки.

Его большой палец сам собой нашёл старый шрам на левой ладони и провёл по нему – от края до края. Он этого не заметил.

Потом он встал, взял из кабины то, что надо было взять, – планшет второго пилота, документы из нагрудных карманов, переносной навигатор экипажа в чехле, на своих батарейках, – и вышел под морось.

V

Лагерь выше обломков. 7 августа 2026 года, пятница, вечер.

Костёр он разрешил развести только в шесть вечера, когда ветер переменился, и только выше, за скальным выступом, в восьмидесяти метрах от места крушения, на камне. Дрова были мокрые. Огонь никак не хотел заниматься, шипел и дымил, и Кирилл, который вызвался его разжечь, извёл полкоробка спичек и половину своего терпения, пока Шумилин не взял у него коробок и не показал, как расщепить сухую сердцевину сучка ножом, как сложить шалашик из того, что тоньше спички, как прикрыть его от мороси ладонями.

— Это же элементарно, – протянул Кирилл, когда огонь наконец занялся, и раздражения в его голосе было меньше, чем удивления.

— Когда сухо – да.

Они устроились вокруг огня под брезентом, натянутым на две жерди и привязанным к лиственнице, – семеро, мокрые, грязные, замолчавшие, каждый в своём. Полина заставила каждого выпить по полкружки горячей воды. Соня куталась в термоодеяло из аптечки, похожая в нём на шоколадку в фольге, и отвечала на вопросы Полины – какой сегодня день, как её зовут, сколько будет семь на восемь, – отвечала раздражённо и правильно. Егор держал ладонь в мокрой тряпке. Даниил лежал, положив ногу на рюкзак, спиной к огню, и лица его никто не различал: он отвернулся.

Ника села ближе всех к огню, подтянув колени, и левой руки по-прежнему не было видно – она прятала её под курткой.

— Ника, – сказала Полина.

— Ну что?

— Покажи руку.

— Вот прицепились. – Ника засмеялась, громко, и смех вышел коротким и неправильным, как кашель. – Я же сказала: царапина. Я её шарфом замотала, она уже не болит. Правда, Поль, ну правда.

Полина не ответила. Взгляд её был не на лице Ники, а на её куртке – на том месте, где под курткой была рука. Там, на светлой ткани рукава, у локтя, проступило тёмное пятно, мокрое, расползающееся. Не вода. Вода не бывает такого цвета.

Шумилин увидел пятно в ту же секунду и увидел, что Полина его увидела.

— Ника, – сказала Полина очень мягко. – Ты врёшь. У тебя течёт.

Ника перестала смеяться. Лицо у неё на секунду стало совсем другим – маленьким, испуганным, детским, – и тут же закрылось, как закрывается дверь.

— Ну и что теперь, – сказала она.

Шумилин размотал шарф. Шарф был шёлковый, тонкий, весь пропитанный, и под ним на предплечье, на внутренней стороне, ближе к локтю, была рана – длинная, сантиметров восемь, рваная, с неровными краями, грязная. Металл, о который Ника ударилась в салоне, был в смазке и в саже, и всё это было теперь в ране. Кровь шла медленно, но шла – видно, с тех пор как Ника замотала руку на склоне, она так и не остановилась.

Ника отвернулась от раны, в сторону, к лиственницам. Губы она сжала так, что они пропали.

— Сколько часов? – спросил Шумилин.

— С… с самого начала, – сказала Ника. – Я думала, ерунда. Я думала, сама пройдёт. Там же Кирилл был весь в крови, и механик, и… Я не хотела, чтобы на меня ещё…

Она не договорила.

Сначала он сделал место. Вытряхнул из аптечки пакет, вывернул его чистой стороной наружу и расстелил на крышке рюкзака. Разложил по порядку: бинты, салфетки в нераспечатанных упаковках, ножницы. Полина полила ему на руки из котелка, тонкой струйкой, как он показал, чтобы хватило, и он протёр пальцы спиртовой салфеткой, а следом той же салфеткой лезвия ножниц.

— А в рану? – Полина уже держала наготове вторую салфетку, надорванную. – Чтобы наверняка.

— Нет.

— Там же грязь.

— Спирт – для железа и для рук. – Шумилин забрал у неё салфетку и положил обратно на пакет. – Живое он не чистит, а жжёт. В рану – только вода. Чистая и много.

Полина положила ладони на колени, подальше от пакета, – так держат руки на чужой кухне, когда боятся что-нибудь задеть.

— А мне хоть глоток? – спросила Ника в лиственницы не поворачиваясь. – Внутрь.

— Тебе воды. Внутрь тоже.

Шумилин промыл рану кипячёной, уже остывшей водой из котелка – лил, пока не перестала идти грязь. Ника не издала ни звука. Только, когда он промывал края, пальцы её правой руки вцепились Полине в колено так, что Полина вздрогнула. Затем он наложил давящую повязку – плотно, бинт поверх салфетки, ещё один бинт поверх, – и поднял её руку выше сердца, уложив на рюкзак.

— Держать так. Не опускать. Не мочить. Утром посмотрим.

— Это опасно? – тихо спросила Полина. Не Ника – Полина.

— Плохо, что грязная и что поздно, – ответил Шумилин. – Будем следить.

Он не сказал, что семь часов – это много. Что грязь в ране – это хуже, чем кровь. Что повязку надо было наложить сразу, на склоне, и если бы он не отложил «Ника, левое предплечье, проверить» на потом, этих семи часов не было бы. Он не сказал этого вслух. Это было его, и он оставил это себе.

Сумерки пришли поздно, в десятом часу, и не уходили до полуночи. Облако поднялось, и над долиной открылось небо – серое, высокое, и в разрыве – одна звезда. Внизу, в темноте, лежал вертолёт.

Кирилл засмеялся – тихо, сам себе.

— Слушайте. А может, просто вызвать кого-нибудь? Ну, через приложение. Как такси. «Заберите нас, пожалуйста, мы тут на склоне».

Никто не засмеялся. Наконец Соня из своей фольги сказала очень серьёзно:

— Тариф «Эконом» сюда не поедет.

И тогда засмеялись все – Егор беззвучно, Ника зло, сквозь зубы, Полина устало, Даниил – так и не повернувшись к огню, плечами. Засмеялся и Кирилл, и смех у него был облегчённый, настоящий: впервые за день кто-то принял его слова не как команду, а как шутку, и шутка оказалась хорошей.

Шумилин не смеялся. Он примостился у края брезента, спиной к лиственнице, лицом к долине, и считал.

Губами, беззвучно. Раз – Кирилл. Два – Полина. Три – Егор. Четыре – Соня. Пять – Ника. Шесть – Даниил.

Он посчитал два раза. Каждый раз получалось шесть, и с ним – семь, и это было правильно. Но губы каждый раз, сами, по привычке, шли дальше – до восьми, до девяти, до десяти – и останавливались на пустом месте.

— Глеб Сергеевич, – тихо сказала из темноты Соня. – Вы что-то говорите?

— Считаю. Спи. Через три часа разбужу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.